

Катерина Файн

Чётная сторона Луны
пьеса в двух действиях

Санкт-Петербург, 2006

katfine@yandex.ru
<http://katfine.narod.ru>
+7-911-161-65-62

Действующие лица:

ЛЕВ БОРИСОВИЧ ЛЮЛЕЧКИН – мужчина нетрадиционной сексуальной ориентации, режиссер областного драматического театра. Имеет жену и приемную дочь

ЛАРИСА ПЕТРОВНА – его жена, прима того же театра, лауреат всевозможных театральных премий. Внешне – травести. Очень средняя актриса

ВАСИЛИСА (ВАСЯ) – приемная дочь Ларисы и Люлечкина. Скромная, сдержанная в отношении мужчин девушка. Не пользуется косметикой. Поет в хоре

ПЛАТОН ЧЕХОВ – молодой драматург, местный гений. Крайне амбициозный тип, жаждет славы, денег, эпатажа

ТАЙА – служанка в доме Люлечкина. Несостоявшаяся актриса

В пьесе могут звучать песни: «Мишель» группы «Битлз», «Поворот» и «Посвящение артистам» Андрея Макаревича

Первое действие

Дом Люлечкина. На сцене комната, заваленная книгами, которые весьма хаотично и несколько своеобразно заполняют пространство: подвешены к потолку, прибиты к стенам, полу и т.п. Посреди комнаты, ближе к заднику, возвышается маленькая сцена со своим занавесом, кулисами, суфлерской будкой и проч. На ней мы поставим стул, сделанный из красной или синей Большой Советской энциклопедии. За «сценой» помещается окно, зашторенное вертикальными жалюзи. Справа висит телефон.

Звучит современная музыка, возможно техно. Занавес открывается, и мы видим Люлечкина, сидящего на стуле. На нем домашний халат, тапочки, вокруг головы повязан платок. Остальные персонажи – Лариса, Василиса, Чехов и Тайа стоят у подножья «сцены». К рукам и ногам всех четырех привязаны белые резинки (веревки), их концы держит в руках Люлечкин. Герои-марионетки танцуют под музыку. На секунду свет гаснет, потом зажигается, и мы видим одного Люлечкина, так же сидящего на стуле с книгой в руках.

Л ю л е ч к и н (делая ударение почти что на каждом слове). О-о-о... Как я обожаю эту чушь! Эту великую чушь гениального Хармса! Жизнь в ее нелепом проявлении, дикую мистерию! Я поставлю Хармса! Грандиозного Хармса! Странного, вздорного, нелепого! Азартного и абсурдного! Я выверну его наизнанку, я проглочу его целиком! (вскакивает). Это будет не «Елизавета Бам», и, уж конечно, не «Адам и Ева»! Это будет зримый стих, нет – зримая песня! Эксцентричная драма! «Из дома вышел человек»! Гениально! Я назову мое творение «Карма Хармса»...

Входит Тайя. На ней коротенькое платье, из-под которого торчат ажурные чулки и подвязки, белый фартук, шелковые перчатки до локтя, белые туфли на высоких каблуках. В руках поднос с чашкой ароматного кофе.

Т а й а. Кофе, Лев Борисович! *(ставит чашку на «сцену»)*.

Л ю л е ч к и н. Спасибо, милая!

Т а й а. На здоровье! Кстати, сегодня у него день рождения.

Л ю л е ч к и н. У кого «у него»?

Т а й а. У Хармса.

Л ю л е ч к и н. Опять подслушиваешь, опять, да?!

Т а й а *(уходя)*. Больно надо!

Л ю л е ч к и н *(швыряя вдогонку книжку)*. У-у-у, ведьма!

Раздается телефонный звонок. Люлечкин нехотя подходит, снимает трубку.

Л ю л е ч к и н. Да! *(пауза)*. Ну, хорошо, хорошо, заходите. Вечером. И не поздно, пожалуйста. У меня режим! *(вешает трубку)*. Они почему-то думают, что я ложусь в три. А я ложусь в девять! *(к телефону)*. В девять, ясно?! Вот все, все против меня! Каждый на своем крохотном, малюсеньком участке стремится разведать мои планы, внедриться туда, и, в конце концов, разрушить всю систему, весь распорядок дня! А попробуй отказать, не принять? Тут же обвинят в гордыне. Скажут – заносчив. И кто, кто? Драматурги, сочинители, эти жалкие, ничтожные писаки! Гениальные современники. Компиляторы хреновы! Приходится уступать. Искать компромисс, идти на встречу... *(вздыхает)*. А как порой хочется все бросить, отключить телефон...

Появляется Лариса. В руках одна лыжа, одета в костюм лыжника.

Л ю л е ч к и н. О! Супруга моя верная! Куда ж ты собралась?

Л а р и с а *(ищет вторую лыжу)*. В магазин.

Л ю л е ч к и н. А что, много снега? Или мода нынче такая, олимпийская?

Л а р и с а. Я рекламу в метро видела: старые лыжи на новые меняют. Сбор дров называется. Сдавай дрова – вставай на лыжи. Хороший слоган, правда? Свои приносишь, платишь полцены, в обмен получаешь новые, пластиковые.

Л ю л е ч к и н. Ерунда какая!

Л а р и с а. Ну, не знаю.

Л ю л е ч к и н. С креплениями?

Л а р и с а. Что?

Л ю л е ч к и н. Я говорю: крепления на лыжах есть?

Л а р и с а. Нет. Или есть. Да какая разница?

Л ю л е ч к и н. Большая разница! На что тебе лыжи без ботинок?

Л а р и с а. Любоваться буду!

Л ю л е ч к и н. А старые-то куда потом?

Л а р и с а. Старые сжигают. Публично, на масленицу.

Л ю л е ч к и н. Ну, и где это происходит?

Л а р и с а. Кажется, на Дворцовой.

Л ю л е ч к и н. Кажется! Узнай поточнее.

Л а р и с а (*находит лыжу*). Хорошо, я спрошу. (*уходит*).

Л ю л е ч к и н (*в пространство*). Вот и Хармс, Даниил Иванович... Вышел однажды из дома – то ли за спичками, то ли за лыжами... А ведь у него тоже была мечта: уйти в леса, ходить по деревням, рассказывать крестьянам сказки, и в обмен получать еду... Но в нашей советской стране так не разрешалось. Поэтому его посадили в тюрьму... (*в кулису*). Тайя, принеси блокнот! (*после паузы, громче*). Тайя! Тайя! Ну, где эта противная субретка?! (*достает из кармана новогоднюю хлопушку, стреляет; сыпется конфетти*).

Входит Тайя. На подносе блокнот и ручка.

Т а й а. Блокнот, Лев Борисович!

Л ю л е ч к и н. И аспириин! Голова раскалывается от вас.

Тайя уходит. Входит через минуту с таблеткой.

Л ю л е ч к и н (*глотаю таблетку*). Вот семь лет ты здесь вертишься, а с первого раза только в первый день явилась! Нет, милая моя, тебе, конечно, сильно повезло, что ты не служишь в театре. Из театра, между нами, я б тебя давно выставил!

Т а й а. Не известно, дорогой Лев Борисович, где с вами легче – здесь или в театре.

Л ю л е ч к и н. У-у-у, неблагодарная! Ты вспомни, вспомни, кем ты была! Провинциалка. Ни работы, ни прописки! Пришла. Ну, да, милая девочка. А как ротик открыла... Роль Офелии ей подавай! Тоже мне, Бабанова!

Т а й а. А с чего вы взяли, что Бабанова играла лучше? Вы лично видели?

Л ю л е ч к и н. Видел? Да мне не надо ничего видеть! Я читал! Много читал, в отличие от тебя – глупой, пустой девицы (*тычет книжкой ей в нос, наступает*). Мемуары, монографии, справочники, энциклопедии! Я записан во все библиотеки города, я знаю всё! Вот поэтому я – есть я. А ты... Нет, ну бесполезный разговор! Я надрываюсь, она стоит, глазами хлопает! Иди, более не задерживаю! (*пауза*). Развели приживалок тут, понимаешь...

Тайя уходит, явно расстроенная.

Л ю л е ч к и н (*записывает в блокнот, потом швыряет его на пол*). А! Дурацкий день! Ничего путного! Хоть отменяй выходные! Решительно, решительно нечем заняться!

Появляется Василиса. На ней длинное бархатное платье, косынка. В руках нотная тетрадь.

В а с и л и с а. Здравствуй, папочка! (*целует Люлечкина в щеку*).

Л ю л е ч к и н. А, Вася, привет, мой хороший! Как дела?

В а с и л и с а (*присаживаясь на краешек «сцены»*). Нормально. Видела маму. Она шла на лыжах. С одной палкой почему-то. Не знаешь, куда?

Л ю л е ч к и н. Вероятно, в магазин.

В а с и л и с а. В продовольственный?

Л ю л е ч к и н (*поднимает блокнот, записывает*). В спортивный. Она потом тебе расскажет.

В а с и л и с а. А еще я видела Тайю. Она плачет. Почему?

Л ю л е ч к и н (*отвлекаясь*). Нервы. Все болезни от них.

В а с и л и с а. Ты ее обидел?

Л ю л е ч к и н. Вася, ну, я прошу тебя...

В а с и л и с а (*утвердительно*). Ты ее обидел. За что?

Л ю л е ч к и н (*вскакивая*). Господи! Да я ей слова не сказал! Про Офелию мы говорили, про Офелию!

В а с и л и с а. Что такое «про Офелию», я в курсе!

Л ю л е ч к и н. Ну, хорошо, хорошо! Чего ты хочешь?

В а с и л и с а. Я хочу, чтобы ты к ней не приставал. Она впечатлительна и очень несчастна. Но если тебе вздумалось ее доконать – тогда конечно.

Л ю л е ч к и н. Ой, ну, откуда ты это взяла?

В а с и л и с а. Кроме нас у нее никого нет. В конце концов, мы ведь вместе живем, в одном доме. Можно как-то подстроиться под человека!

Л ю л е ч к и н. Подстроиться? Я? Скажи еще – подвинуться!

В а с и л и с а. А что здесь такого?

Л ю л е ч к и н. Когда у человека хаос в голове, подстроиться под него абсолютно невозможно (*шепотом*). Она ведь не знает собственных желаний! Не знает, чего хочет! Ну, вот что, что она тут ловит, в этом городе? Славы, денег, можешь мне объяснить?

В а с и л и с а. Кайф. Она ловит кайф. А еще она хочет играть.

Л ю л е ч к и н. Ну, и ехала бы в свой Алапаевск. Играла б там на здоровье. В местном театре.

Раздается звонок в дверь.

В а с и л и с а. Это мама пришла.

Входит Тайя. На ней совершенно нелепые очки, уродующие лицо.

Т а й а. К вам молодой человек.

Л ю л е ч к и н. Ну, проси! (*показывает на очки*). Господи! Что это?

Т а й а (*делая ударение на букве «О»*). Очки.

Л ю л е ч к и н. Умопомрачительно! Зачем ты их нацепила?

Т а й а. Чтобы лучше вас видеть!

Л ю л е ч к и н. Ведь я подарил тебе линзы!

Т а й а. Ваши линзы, Лев Борисович, оказались неконтактными. (*уходит*).

Л ю л е ч к и н (*Василисе*). О! Видала? Это как называется? Благодарность?

Появляется Платон Чехов. На нем костюм байкера – кожаные штаны, кожаная куртка в заклепках, длинный белый шарф, в руках мотоциклетный шлем.

Чехов. Здравствуйте! Разрешите представиться: Платон Чехов. Не родственник, но литератор. Драматург.

Люлечкин (*пожимая руку Чехова*). Ну, что ж, очень приятно. Меня вы знаете. А это (*показывает на Василису*) моя дочь Вася. Хм... Василиса.

Чехов (*подходит к Василисе, целует руку*). Рад познакомиться! Чехов.

Люлечкин. Ну, так с чем же, Платон...

Чехов. Алексеевич.

Люлечкин. Платон Алексеевич, к нам пожаловали?

Чехов. С пьесой. С новой моей пьесой.

Люлечкин. Прекрасно! (*берет Чехова под руку, они прогуливаются*). А известно ли вам, любезнейший господин Чехов, что современные вещи меня как-то не увлекают? (*говорит нараспев*). Ну, не интересуют, не волнуют, понимаете? Я ставлю классику: Гоголя, Островского, Шекспира, Тургенева, на худой конец.

Чехов (*улыбаясь*). Конечно!

Люлечкин. Так зачем же вы, драгоценнейший мой, приехали?

Чехов. Чтобы вручить вам пьесу (*оба смеются*).

Люлечкин. Боже мой, Платон Алексеевич, помилуйте! Из Мурино в центр города, такая дорога, такая погода...

Чехов. Не извольте беспокоиться, милейший Лев Борисович!

Люлечкин. Ну, я, право, не знаю... Может, чаю?

Чехов. С превеликим удовольствием!

Люлечкин. Тайа!

Входит Тайа. На подносе три чашки и печенье-буквы.

Чехов (*слегка одурев от ее вида*). Благодарю!

Люлечкин (*делая большой глоток*). Мм, зеленый, с бергамотом!

Чехов. А у меня, вы знаете, матэ с лимоном!

Люлечкин. Что вы говорите? Боже мой, как прекрасно! (*обращаясь к Василисе*). А у тебя, солнце мое, какой?

Василиса. Индийский. Со слоном.

Люлечкин. Надо же! Вот, Тайа, молодец! Умница! (*поглядывая на Василису, обращается к Чехову*). Знаете, мне страшно повезло с прислугой. Девушка исключительных качеств: скромная, добрая, исполнительная, я бы даже сказал – самоотверженная. В наше время это такая редкость...

Чехов. Как я вас понимаю.

Люлечкин. Да... Так, что за пьеса, вы говорите?

Чехов. Хорошая пьеса.

Л ю л е ч к и н. Простите за любопытство: вам об этом сообщили, или это ваше мнение?

Ч е х о в. Нет, отчего же, мне говорили.

Л ю л е ч к и н. Кто, интересно?

Ч е х о в. Коллеги, критики.

Звонок мобильного телефона. Василиса читает sms.

В а с и л и с а (*подходит к Люлечкину*). Мне пора идти. У меня randevu.

Л ю л е ч к и н (*не обращая на нее внимания*). Да, да! Ступай!

Ч е х о в (*встает, целует Василисе руку*). Надеюсь, мы еще встретимся! Буду рад.

В а с и л и с а. Непременно! (*уходит*).

Л ю л е ч к и н. Э-э, на чем мы остановились?

Ч е х о в. Мы говорили о критиках.

Л ю л е ч к и н (*встает, начинает расхаживать*). Да! Так кто именно хвалит ваш труд?

Ч е х о в. О, это весьма уважаемые люди. Доктора наук, профессора, заслуженные деятели искусств...

Л ю л е ч к и н. И все же, хотелось бы конкретики.

Ч е х о в. Пожалуйста, критик! Канарейкина Ликерия Николаевна. Она в полнейшем восторге. Полагает, что я – новый Достоевский. Или, например, драматург Натан Однокамушкин. Слыхали?

Л ю л е ч к и н (*многозначительно*). Еще бы!

Ч е х о в. Он вообще считает, что такие, как я, рождаются раз в столетие. А госпожа Переборщевская из «Театрального журнала» готова хоть завтра печатать мою пьесу.

Л ю л е ч к и н. Невероятно! Что, все они хвалят?

Ч е х о в. Хором!

Л ю л е ч к и н. Не может быть!

Ч е х о в. Тем не менее, это так.

Л ю л е ч к и н. А что, Федор Михайлович, много пьес написал?

Ч е х о в. Одну. В юности.

Л ю л е ч к и н. Вы читали?

Ч е х о в. Нет, к сожалению. Она не сохранилась.

Л ю л е ч к и н. И как же она называлась?

Ч е х о в. Сейчас не помню... Кажется, что-то историческое.

Л ю л е ч к и н. Историческое – это хорошо... Это замечательно... Ну, а ваше диалоготворчество имеет какое-нибудь название?

Ч е х о в. Конечно. «Четная сторона Луны».

Л ю л е ч к и н (*о своем*). Прекрасно, прекрасно...

Появляется Лариса в том же костюме. В руках две пары лыж – новые и старые.

Л а р и с а (*показывает на старые лыжи, как бы извиняясь*). Вот, не взяли... Говорят, такие старые уже не принимают.

Л ю л е ч к и н (*нехотя подымаясь со своего «трона»*). Дорогой Платон Алексеевич! Позвольте представить: Лариса Петровна, моя супруга, актриса нашего театра. Лауреат премий «Золотой софит», «Золотая маска», «Золотая сказка», ну, и ряда других. (*к Ларисе*). Ларочка, а это – Платон Чехов, молодой драматург.

Л а р и с а. Очень рада. Вы знаете, муж много рассказывал о вас...

Ч е х о в. Правда?

Л ю л е ч к и н. Лариса Петровна, верно, что-то путает. Я рассуждал о драматургах вообще.

Л а р и с а. Возможно. В последнее время я вынуждена учить много текста, могу что-то перепутать... Знаете, когда на тебя сваливается такой объем информации, перестаешь понимать, где ты, где роль, и вообще, на каком свете живешь. Все переплетается, перемешивается, как фрукты в миксере.

Ч е х о в. Почему фрукты?

Л ю л е ч к и н. Моя жена – фанатка фруктовых салатов.

Л а р и с а. Это правда. Вы любите фрукты?

Ч е х о в. Наверное. Я не задумывался.

Л а р и с а. Напрасно. Надо любить растительную пищу. Овощи, фрукты. Любые. Главное – не есть мяса.

Л ю л е ч к и н. Лариса Петровна – вегетарианка со стажем. Много лет назад она вступила в общество «Гринпис», с тех пор не ест мясо животных.

Ч е х о в. А сладкое?

Л а р и с а. Сладкое – можно. Даже нужно.

Л ю л е ч к и н. В разумных количествах. От сладкого полнеют.

Л а р и с а. От сладкого добреют! Правда, не все.

Л ю л е ч к и н. Вот что, друзья мои! Вы тут пообщайтесь, а я прогуляюсь перед сном.

Ч е х о в. Но, Лев Борисович, мы ведь еще не начали! Моя пьеса!

Л ю л е ч к и н (*собирает бумаги*). А зачем я? Вот, Лариса Петровна, у нее отменный вкус, уверяю вас. Почитайте ей вашу пьесу. И если Ларочке понравится, я с удовольствием присоединюсь. Кстати, там есть для нее роль?

Ч е х о в. По-моему, да...

Л ю л е ч к и н. Вот видите! Я скоро. (*уходит*).

Л а р и с а (*после долгой паузы*). Тайа! Тайа!

Входит Тайа.

Л а р и с а. Дорогая, принеси мне чай!

Т а й а. Зеленый?

Л а р и с а. Да. Некрепкий.

Т а й а. Хорошо. (*уходит*).

Л а р и с а. Не обижайтесь, пожалуйста. Муж не читает новых пьес. Это делаю я. Можно сказать, я его личный секретарь по творческим вопросам. Так что вы написали?

Ч е х о в. Не знаю... Теперь не знаю.

Л а р и с а. Как это, теперь?

Ч е х о в. Теперь все изменилось...

Л а р и с а. Вы не доверяете мне? Бойтесь моей рецензии?

Ч е х о в. Не то, чтобы не доверяю... Мне очень неловко, Лариса Петровна, вам говорить...

Л а р и с а. Почему?

Ч е х о в. Вы человек тонкий, это видно.

Л а р и с а. Господи, да что за проблема! Ведь я не ребенок. Я прочла сотни пьес, сыграла тысячу ролей, о чем речь?!

Ч е х о в. Вы меня не поймете.

Л а р и с а. С ума вы сошли! Ну, как не пойму? Она что, эта пьеса, на санскрите, что ли?

Ч е х о в. Почти. Она написана на языке любви.

Л а р и с а. Ну, и прекрасно! Читайте!

Входит Тайя.

Т а й а (*ставит поднос, наливает чай*). Ваш чай.

Л а р и с а. Спасибо!

Тайя уходит.

Ч е х о в. Какая она странная, ваша служанка.

Л а р и с а. Обыкновенная. У нее только имя странное – Тайя.

Ч е х о в. Тая?

Л а р и с а. Нет, Та-йя. Ну, вот, смотрите: (*выкладывает имя из печенья*). т, а, й, а. Видите?

Ч е х о в. Подумать только! Никогда не слышал.

Л а р и с а. Я тоже... Ну, так что?

Ч е х о в. Что? Ах, да. Прямо, как на экзамене. Давайте, я лучше своими словами.

Л а р и с а. Ну, разумеется, своими.

Ч е х о в. Лариса Петровна, я не буду читать пьесу, я хочу сделать вам признание.

Л а р и с а. Какое признание?

Ч е х о в (*берет чашку, она падает, разбивается*). Ой, как же это я... (*принимается собирать осколки*).

Л а р и с а. Да Бог с ней, оставьте!

Ч е х о в. Я очень волнуюсь, вы должны правильно понять...

Л а р и с а. Вы меня совсем с толку сбили.

Ч е х о в. Да я и сам уже запутался. А тут еще чашка...

Л а р и с а. Ну, ничего, ничего... Не страшно. Если бы она была меховой...

Ч е х о в. Вы знаете про меховую чашку?

Л а р и с а (*смеется*). Да! А так же про блюдце и ложку, как не странно.

Ч е х о в. Мерит Оппенгейм. 1936 год. Я думал, это невозможно: встретить родственную душу...

Л а р и с а (*слегка смутившись*). Ну, хорошо. Давайте сначала.

Ч е х о в. Давайте.

Л а р и с а. Зачем вы пришли?

Ч е х о в. Я пришел, чтобы показать мою пьесу Льву Борисовичу.

Л а р и с а. Так...

Ч е х о в. А Лев Борисович... ушел.

Л а р и с а. Ну...

Ч е х о в. Лариса Петровна, я больше не могу. Вы... в общем, я вас люблю. (*надевает мотоциклетный шлем, замирает*).

Л а р и с а (*после паузы, подходит, стучит по шлему*). Эй, где же вы, Алексей...

Ч е х о в. Платон. Меня зовут Платон.

Л а р и с а. Простите, но это... в том смысле, что вам нравится моя игра, мое искусство, то есть, как я это делаю...

Ч е х о в (*снимает шлем*). Как вы это делаете?

Л а р и с а. Ну, конечно!

Ч е х о в. Я не видел.

Л а р и с а. Вы не были на моих спектаклях?

Ч е х о в. То есть, нет, я был. Давно. Господи, Лариса Петровна, ну, какое это имеет значение? Я вас люблю, понимаете? Вас, а не вашу Раневскую, Офелию, Катерину...

Л а р и с а. Я, признаться, удивлена. Что же вы хотите?

Ч е х о в. Вас!

Л а р и с а. В каком смысле?

Ч е х о в. В прямом, в переносном, в любом! Вы мне нравитесь, и я хочу жениться!

Л а р и с а. Вы бредите! Я замужем, у меня семья – муж, взрослая дочь, это невозможно! Пойдите, а может, вы женитесь на Василисе? Она очень хорошая.

Ч е х о в. Лариса Петровна, вы что? Я видел вашу дочь семь минут.

Л а р и с а. А это не страшно, мы все уладим.

Ч е х о в. Боже мой, Лариса, да мне не нужна ваша дочь, я вас люблю!

Л а р и с а. Но... но... я... мне сорок лет!

Ч е х о в. Ну и что?

Л а р и с а. Я играю в театре!

Ч е х о в. На здоровье!

Л а р и с а. Но что я скажу мужу?

Ч е х о в. Ничего.

Л а р и с а. То есть, как?

Ч е х о в. Ну, так. Уйдем и все.

Л а р и с а. Но я вас не знаю. Кто вы?

Ч е х о в. Я драматург. Известный драматург. Мои пьесы идут, в основном, за границей.

Л а р и с а. А живете вы...

Ч е х о в. Везде! Штаты, Япония, Вена, Париж, Сингапур – всюду жизнь!

Л а р и с а. Вы романтик...

Ч е х о в. А вы?

Л а р и с а. И я... Но иногда мне кажется, что все уже было, и ничего не изменишь...

Ч е х о в. Глупости! Все только начинается. Взгляните на мир, он огромный!

Л а р и с а. Не такой уж огромный. Я видела мир. Видела людей: плохих, хороших, разных... Простите... Как называется ваша пьеса?

Ч е х о в. «Четная сторона Луны».

Л а р и с а. Интересно... Сколько времени вы потратили на нее?

Ч е х о в. Всю жизнь.

Л а р и с а. Вы считаете ее удачной?

Ч е х о в. Безусловно.

Л а р и с а. Наверное, вы долго выписывали характеры?

Ч е х о в. Однажды драматурга Александра Володина спросили тоже самое: «Какие характеры?! – возмутился он. – Я не пишу характеры. Я пишу про себя, и про ту бабу, которую люблю в данный момент!». Я понимаю, Лариса Петровна, вам страшно что-то менять, но, поверьте, многое может измениться в лучшую сторону.

Л а р и с а. Что вы предлагаете?

Ч е х о в. Бежать!

Л а р и с а. Бежать? Куда?

Ч е х о в. За границу.

Л а р и с а. Но мне и здесь хорошо!

Ч е х о в. Здесь? Да здесь вас никто не знает, и не узнает! Несмотря на все ваши «маски», «софиты» и прочее. Смешно! Ну, вот скажите: у вас часто берут автограф?

Л а р и с а. Нет, нечасто...

Ч е х о в. А цветы после спектакля дарят?

Л а р и с а. Иногда... На премьере.

Ч е х о в. Вот видите, иногда! У вас дар, огромный дар, а вы так вероломно хотите им распорядиться. Вы – талант, вы можете в кино сниматься – у Кустурицы, у Вуди Аллена, я не знаю, у Занусси, у кого хотите! Вместо этого вы сидите здесь, в этом жалком театре, играете замшелый репертуар классиков, и считаете себя счастливой! Лариса, милая, проснитесь, вам сорок лет!

Л а р и с а. Пожалуй... Но что же делать?

Ч е х о в (*вынимая из-за пазухи пьесу, протягивает Ларисе*). Доверьтесь мне. Эта пьеса нас прославит, можете не сомневаться. Вы сыграете ее на подмостках вашего театра, а потом ее будут ставить по всему свету. И однажды, когда вы проснетесь богатой и знаменитой в парижской своей квартире...

Л а р и с а. То что?

Чехов (с неподдельной грустью). Вы забудете меня, как забывает зритель фамилии неглавных персонажей – художников, гримеров, осветителей... Вы прочтете меня, как программку, и бросите по дороге в буфет... Увы, дорогая, вы станете мне недоступны, как четная сторона Луны. Вне зоны сети, и вне зоны сетей... А я по-прежнему, как последний дурак, буду толпиться у ваших дверей.
Лариса. Ну, зачем вы так!

Чехов. Вы очень изменитесь, Лариса. А я – нет. Я останусь прежним. «...ничто уже меня не успокоит. / Ничто в огромном мире этом грешном / любимых грустных глаз твоих не стоит». Вы больше не пустите несчастного поэта на территорию ваших снов. Вы ведь знаете, что такое территория снов?

Лариса. Я догадываюсь. Я должна...

Чехов (целует ей руку). Во что бы то ни стало прочесть. Сегодня же. И рассказать мужу.

Лариса (в некоторой растерянности). Но ведь я сама вас просила...

Чехов. Не вы, а я! Не прошу – умоляю...

Лариса берет пьесу, начинает читать. Чехов медленно исчезает в кулисах. Затемнение. Раздается рев мотоцикла. Может быть, звучит припев песни Андрея Макаревича «Поворот». Свет зажигается, и мы видим Ларису и Люлечкина. Люлечкин возвышается на своем режиссерском «троне».

Люлечкин (листая книгу). Ну, и как тебе наш новый гений?

Лариса. Симпатичный.

Люлечкин. По-моему, он слишком самонадеян. Ввалился в дом, наследил, разбил чашку...

Лариса. Мне кажется, в его возрасте это простительно.

Люлечкин. Простительно что?

Лариса. Все. И чашка, и самонадеянность...

Люлечкин. Ты полагаешь?

Лариса. Конечно!

Люлечкин. Ну, не знаю... Я в свои тридцать...

Лариса (перебивая). Ты, в свои тридцать, руководил самодеятельностью в клубе завода Турбинных лопаток.

Люлечкин. Ну, хорошо, хорошо. Не будем спорить. Я твоему вкусу всегда доверял... Как там пьеса называется?

Лариса. «Четная сторона Луны».

Люлечкин. Что-то знакомое... Сторона Луны... Не помню. Гляну в словаре... После. Так что, понравилось тебе? Только давай честно.

Лариса (замявшись). В общем, да... Кажется, неплохо... Ярko, броско, актуально. Незатянуто. Диалоги интересные. Оригинальный конфликт. Тема опять же, модная – про лесбиянок.

Люлечкин. Про лесбиянок? В нашем театре?

Лариса. А что?

Люлечкин. Но я никогда не ставил про лесбиянок!

Лариса. Тем лучше. Поставишь. Ты ведь хотел что-нибудь эдакое?

Л ю л е ч к и н. Ничего себе!

Л а р и с а. А что ты так переполошился? Можно подумать, тема сексуальных меньшинств – нечто запретное в нашем доме.

Л ю л е ч к и н. А причем здесь дом?! Речь идет о постановке в театре, а не о наших семейных отношениях!

Л а р и с а. Да какая разница! Дом, театр, театр, дом – по сути, это одно и то же.

Л ю л е ч к и н. Ну ты даешь!

Л а р и с а. Господи, Лева, я тебя не узнаю! Ты ли это?!

Л ю л е ч к и н. Я, кто ж еще! Дай сюда *(берет у Ларисы рукопись, открывает)*. Что, только два действующих лица, два персонажа?

Л а р и с а. А что, много?

Л ю л е ч к и н. Две женщины?

Л а р и с а. Ну, разумеется, две.

Л ю л е ч к и н. Это какая-то авантюра, я вот чувствую! Ну, и когда он позвонит, этот Чехов?

Л а р и с а. Он зайдет. Завтра утром...

Л ю л е ч к и н. Зайдет? Вот так, просто? Нет, это что-то запредельное!

Л а р и с а. Лева, успокойся, пожалуйста. Если тебе настолько противно его видеть, я сама могу принять.

Л ю л е ч к и н. Нет уж, милая моя! Я сам, лично! И попроси Тайю, чтобы чай подавала в пластмассовых чашках.

Л а р и с а. Хорошо. *(уходит)*.

Люлечкин один. Нехотя листает пьесу, стараясь удобнее расположиться на своем «троне». Затем подымается и тоже уходит. Рукопись остается на стуле. Затемнение, музыка. Свет зажигается, на сцене Тайя. На ней легкий утренний пеньюар, в руках пьеса.

Т а й а *(читает вслух, примеривая роль)*. Я вбежала в спальню и попыталась укрыться в темном углу. Казалось, годы разлуки смогут притупить чувства и обуздать страсти, всякий раз оживавшие при виде ее... Она тихо открыла дверь и, мягко ступая, подошла ко мне: «Ты можешь убежать от меня. А вот от себя...» Ее рука медленно приблизилась к моей груди, дыхание сбилось, выдав сокровенные желания, переполнявшие душу. Еще мгновение, и мы оказались в постели...

Входит Василиса. Она тоже в утреннем платье.

В а с и л и с а. Доброе утро!

Т а й а. Доброе утро!

В а с и л и с а. Чем занимаешься?

Т а й а. Да вот, пьесу листаю. Лев Борисович оставил...

В а с и л и с а *(подходит, берет рукопись)*. Интересно?

Т а й а. Пока не поняла.

В а с и л и с а. Говорят, настоящее произведение искусства видно по первым строчкам. *(пауза)*. Слушай, давно хочу спросить: а почему у тебя имя такое странное: Тайа? Это что – сокращенное от Таисии?

Т а й а *(смеется)*. Да, нет. Это папочка мой древним востоком увлекался. В детстве. Тайа – жена Аменхотепа III. Фараона. А еще у Волошина стих такой был, про царевну Таиах.

В а с и л и с а. Да, папа у тебя большой оригинал. Ну, а ласково как он тебя называл?

Т а й а *(улыбаясь)*. Таичка, Тайчонок...

В а с и л и с а. Красиво... А меня Вася.

Т а й а. Так ведь он не родной, отец твой.

В а с и л и с а. А родной, думаешь, изобрел бы нечто гениальное?

Т а й а. Ну, я не знаю. Можно звать Лиса, можно Васса.

В а с и л и с а. Васса Железнова. Привет от Максима Горького.

Т а й а. Да не расстраивайся ты! Это не самое страшное. Между прочим, одну из красивейших женщин Петербурга звали Паллада Олимпиевна. И была она, не больше не меньше – любовницей барона Врангеля... Ой, а что это за духи у тебя? «Hugo boss woman»?

В а с и л и с а. Наверное. Мама подарила. Я в них не разбираюсь.

Т а й а *(подсаживаясь ближе)*. А мои духи тебе нравятся?

В а с и л и с а. Очень. Ты вообще мне нравишься. Ты умная. Расскажи еще про Палладу. Кто она?

Т а й а *(задумчиво)*. Ну, она была поэтессой, хозяйкой литературного салона. Дружила с Ахматовой, Глебовой-Судейкиной. Танцевала. Обожала выходить замуж, носила браслеты на лодыжках, ярко одевалась. Теперь этим никого не удивишь, но в начале века сие означало эпатаж.

В а с и л и с а. Богема!

Т а й а. Милое хулиганство.

В а с и л и с а. Только и всего?

Т а й а. Ходят слухи, она была лесби.

В а с и л и с а. Да ладно!

Т а й а *(подсаживаясь еще ближе, трогает волосы Василисы)*. А знаешь ли ты, дорогая моя Васса, что Анна Андреевна в молодости жила с Глебовой-Судейкиной?

В а с и л и с а. Что-то слышала, но смутно верится...

Т а й а. Именно так! Можешь не сомневаться. *(берет пьесу)*. Ну, что? Почитаем по ролям?

В а с и л и с а. Почитаем...

Девушки ложатся, открывают пьесу, листают, смеются. В этот момент входит Чехов.

Ч е х о в. Ой, простите. Доброе утро! Мне назначено на час. Лариса Петровна...

В а с и л и с а. А, господин Чехов, милости просим! А мы с Тайей как раз изучаем ваше произведение.

Т а й а. У нас читка, вы не против?

Входит Лариса. На ней красное вечернее платье, серьги, браслеты, кольцо и т.п. Девушки встают, поправляют одежду.

Л а р и с а. Вообще-то, уже час. *(обращаясь к Василисе)*. У тебя хор в половине второго. Ты не опоздаешь?

В а с и л и с а. Я поеду на машине.

Л а р и с а. Ну, если у тебя есть лишние деньги... Тайа, принеси чай. Мне как всегда, а Платон Алексеевич...

Ч е х о в. Мне кофе, если можно.

Т а й а. Конечно. *(уходит)*.

В а с и л и с а *(подходит к матери, вручает рукопись)*. Возвращаю!

Л а р и с а. Боже мой, а чем ты так недовольна?

В а с и л и с а. Я, мамочка, всем довольна.

Л а р и с а. Ну, как знаешь. Не хочешь говорить – твое дело. После обсудим. А теперь сделай милость, оставь нас.

В а с и л и с а. Пожалуйста! *(уходит)*.

Л а р и с а *(дождавшись ухода Василисы)*. Я прочла вашу пьесу. Мне нравится в целом. Теперь дело за моим... дело за Львом Борисовичем.

Ч е х о в *(бросается к Ларисе, встает на колени)*. Лариса, я без ума! Какая пьеса! Я не могу ни о чем думать. Вы! Только вы! Манящая, дурманящая, ослепительная женщина!

Л а р и с а *(пытается отстранить Чехова)*. Да вы что!

Ч е х о в. Ты, ты, ты, говорите мне ты! Я тоже хочу говорить ты!

Л а р и с а. Платон Алексеевич, я не давала вам никакого повода...

Ч е х о в. Мне не нужен повод, я люблю тебя!

Л а р и с а *(тая в объятьях Чехова)*. Господи, Господи, ну, зачем ты здесь?! Зачем ты пришел в мой дом? Я привыкла так жить, я всегда жила так!

Ч е х о в. Но ведь это не жизнь, Лариса! Ты мучаешься, ты молода, красива, подумай!

Л а р и с а. Да, да! Я думала и мне страшно! В одну секунду все рухнет, весь налаженный быт, понимаешь?! Боже мой, да что ты можешь понять – маленький счастливый безумец! *(напрягаясь)*. Лев! Он идет. Завтра, умоляю, завтра приходи!

Входит Люлечкин. На нем элегантный костюм и галстук.

Ч е х о в. Доброе утро, Лев Борисович!

Л ю л е ч к и н. Утро? Я бы не сказал... Вот что, молодой человек! Я ознакомился с вашим творением...

Входит Тайа. На ней еще более откровенный наряд, чем в первый раз.

Т а й а. Чай, Лариса Петровна. Кофе для гостя. *(к Люлечкину)*. Вам что-нибудь нужно?

Л ю л е ч к и н. Пожалуй, нет. Ступай!

Т а й а. Лев Борисович, там квитанция... счет по оплате...

Л ю л е ч к и н *(залезает в карман, выдает деньги)*. Хватит?

Т а й а. Вполне! *(исчезает)*.

Л ю л е ч к и н. Так вот... *(садится на свой «трон»)*. Я прочел пьесу и, в принципе, она мне нравится. В том смысле, что это, как бы поточнее выразиться – хороший зачин, понимаете? Хороший материал. Там есть интересные моменты, актуальность опять же, но... она сыровата, не хватает мастерства. Мастерства ведения сюжета. Недостаточно раскрыты характеры, конфликт не вполне прорисован, мало событий. Помните триаду Гегеля – начало борьбы, ход борьбы, результат борьбы? Вот если бы вам удалось все это соединить, у вас получилась бы замечательная вещь, понимаете?

Ч е х о в. Понимаю.

Л ю л е ч к и н. Да вы не расстраивайтесь, Платон Алексеевич! Ведь это первая ваша пьеса. Ничего страшного. Дело, как говорится, поправимое...

Ч е х о в. Что вы имеете в виду?

Л ю л е ч к и н *(обмахиваясь рукописью)*. Ну, как что? Надо работать: убирать, добавлять, переделывать.

Ч е х о в. А это поможет?

Л ю л е ч к и н. Ну, разумеется! Мой юный друг! Я помогу вам, если вы не против, конечно.

Ч е х о в. Я не против.

Л ю л е ч к и н. Вот и славно! А когда мы перепишем пьесу, сделаем ее безукоризненной, я – с вашего разрешения, – поставлю туда свою фамилию. Буду, так сказать, вашим соавтором.

Ч е х о в. Да? А что это значит?

Л ю л е ч к и н. Ничего! Просто на афише будут стоять две фамилии: моя и ваша.

Ч е х о в. Только и всего?

Л ю л е ч к и н. Только и всего! *(отхлебывает кофе из чеховской чашки)*.

Ч е х о в. Ну, тогда я согласен!

Л ю л е ч к и н *(обнимает Чехова, они прогуливаются)*. Понимаете, это хороший промоушен! Ведь вас никто не знает, несмотря на то, что вы тезка классика. А так, рядом с моей фамилией, ваша будет выглядеть весьма эффектно.

Ч е х о в. Хорошо, Лев Борисович. Я абсолютно вам доверяю. Ваш опыт, ваш авторитет для меня имеет огромное значение... И когда же мы приступим к нашим исправлениям?

Л ю л е ч к и н. Да хоть сейчас! Ларочка, оставь нас! Да, и скажи Тайе, чтобы на ужин подавала ребрышки. *(видя ее неодобрение)*. Ну, прости. Я все еще плотояден.

Лариса уходит.

Л ю л е ч к и н. А знаете, какое самое неудачное блюдо из ребрышек?

Ч е х о в. Нет.

Л ю л е ч к и н. Женщина. *(меняя тон)*. Ну-с, дорогой Платон Алексеевич... *(пауза)*. Позвольте, я буду называть вас по имени? Или, быть может, уменьшительно?

Ч е х о в. Это немного странно, Лев Борисович... Так меня называла мама в детстве...

Л ю л е ч к и н *(говорит очень медленно)*. Тем лучше. Вы быстрее ко мне привыкните... К моей руке, к моему ритму, слову... Мы ведь с вами теперь одно целое, одна боль, одна соль... Не так ли?

Ч е х о в. Пожалуй...

Л ю л е ч к и н *(присаживаясь ближе, открывает первую страницу пьесы)*. Давайте начнем... *(щелкает пальцами)*. Реплика!

Ч е х о в *(читает, удивляясь собственным словам)*. Здесь неуютно... Многое изменилось. Холодно, мрачно. Дом, словно раздетый...

Л ю л е ч к и н *(входя в образ)*. Это оттого, что тебя нет... Хочешь, я принесу дрова, и мы затопим камин? *(пауза)*. Ты еще видишь меня во сне?

Ч е х о в *(в некотором замешательстве)*. Иногда... Но так, смутно...

Л ю л е ч к и н. Ты снилась мне сегодня ночью. И совсем не смутно. Я бы даже сказала – с такими впечатляющими подробностями...

Ч е х о в. Вполне может быть... Наверное, в предвкушении встречи. Иногда во сне люди видят то, о чем накануне много размышляли.

Л ю л е ч к и н. Или то, чего они так страстно желали... Знаешь, я все еще храню твои любовные письма и стихи ко мне... Ты писала их детским почерком, выводя каждую букву, помнишь?

Ч е х о в. Спасибо. Ты очень добра. Как живешь?

Л ю л е ч к и н. Хорошо. Я живу с мыслью о том, что все произошедшие, на самом деле, было вовсе не со мной. И даже не здесь... Это было в иных мирах, на другой планете. Может, на Луне. Да, на Луне, на четной ее стороне... Помнишь, тогда, мы сидели на берегу, наблюдая лунную дорожку, и я говорила тебе, что буду ждать. Что бы не случилось, ты всегда можешь прийти ко мне. Через много лет, даже, если все изменится, и в твоих снах появятся другие люди. Ты не верила мне, ты смеялась. Теперь ты здесь, и я по-прежнему люблю тебя. Ничего не бойся. Я хочу помолчать, а потом обнять тебя и поцеловать твои руки...

Звучит песня «Мишель». Люлечкин и Чехов танцуют под музыку, исчезая в кулисах. Затемнение.

Второе действие

Все тот же дом Люлечкина, ничего не изменилось. Звучит музыка. Появляется Лариса. Ходит, нервно курит, смотрит на часы. Через минуту вбегают Чехов. На нем костюм, галстук-бабочка. Останавливается рядом с Ларисой. Далее

следуют пять-шесть «точек» с периодическим затемнением на секунду. Например: поцелуй – затемнение; Лариса на коленях у Чехова – затемнение; Чехов снимает с нее платье – затемнение; они лежат, обнявшись – затемнение и т.д. Все эти позы должны быть яркими, быстрыми и четкими, чтобы у зрителя создавалось ощущение фотоснимка.

После очередного затемнения Лариса и Чехов исчезают, на сцене появляется Василиса. Одета скромно и просто, может быть, как в первом действии. Она поет сольфеджио под магнитофон, время от времени перематывая пленку назад. Раздается звонок мобильного телефона. Василиса читает sms. Появляется Чехов, курит сигару.

Чехов. Здравствуйте, Василиса Львовна! Все поете?

Василиса. А! Алексей...

Чехов. Платон. Платон Алексеевич, с вашего разрешения! (*чуть кланясь*).

Василиса. Да, да! Проходите. Вы, наверное, к маме?

Чехов (*загадочно*). К маме, или к папе... А может – к вам...

Василиса. Ко мне? Но, вроде, от меня ничего не зависит.

Чехов. Что вы имеете в виду?

Василиса. Ну, как же? Ваша пьеса, ваша карьера... Ведь вы, Платон Алексеевич, не зря родителей моих обхаживаете?

Чехов. Я, Василиса Львовна, сюда, к вам, по делу хожу.

Василиса (*иронично*). Что вы говорите?

Чехов. А вы, дорогая, напрасно смеетесь. Мы с вашим папенькой над пьесой работаем.

Василиса. А с маменькой?

Чехов. И с маменькой тоже. Она главную роль играет.

Василиса. А что, там появилась главная роль?

Чехов. Она и не пропадала.

Василиса. Странно. Я ведь тоже пьесу читала. Мне казалось, роли равноценны.

Чехов (*усаживаясь в кресло*). Ну, когда это было! С тех пор многое изменилось...

Василиса. Да, многое! (*включает магнитофон, поет, как бы не видя собеседника*).

Чехов. А, что, Лариса Петровна, дома?

Василиса (*выключает магнитофон*). Нет. Ее нет.

Чехов. Где же она?

Василиса. На киностудии, вероятно. У нее кастинг.

Чехов. Вот как?

Василиса. А что такое?

Чехов. Ничего. Просто она мне ничего не говорила.

Василиса. А с какой стати она должна говорить?

Чехов. Ни с какой. Мы дружим. Я, во всяком случае... И вообще: что удивительного в том, что я интересуюсь?

Василиса. Ну, конечно, ничего! Что вы так нервничаете?

Ч е х о в. Да я абсолютно спокоен! Тем более, что наверняка еще ничего неизвестно.

В а с и л и с а (*загадочно*). Как знать, как знать...

Ч е х о в. Что вы имеете в виду?

В а с и л и с а. Да, так... (*напевает по-французски*). Michelle, ma belle. / Sont les mots qui vont tres bien ensemble, / Tres bien ensemble... Ее утвердили на роль.

Ч е х о в. На роль?! Ларису?

В а с и л и с а. Да, Ларису. Ларису Петровну.

Ч е х о в. И когда же будут съемки?

В а с и л и с а. Через месяц. Это важно?

Ч е х о в. Конечно, важно! Если она улетит куда-нибудь в Новосибирск, она не сможет репетировать мою пьесу!

В а с и л и с а. Не волнуйтесь. В Новосибирск она не полетит. Съемки пройдут в Париже. Компания «Юнифранс»...

Ч е х о в (*перебивая*). С ума сойти! И когда это выяснилось?

В а с и л и с а. Однако, сударь, вы любопытны! Ровно за пять минут до вашего появления.

Ч е х о в. Не может быть! Вы разыгрываете меня!

В а с и л и с а. Ну, это как хотите. (*включает магнитофон*).

Ч е х о в (*жестко*). Ваша маменька, конечно, хороша, но, увы – старовата. Еще лет пять, а потом... (*в этот момент появляется Лариса. Она останавливается в кулисах незамеченная*). Западная киноиндустрия – это железная леди, фабрика по производству кукол Барби. Вы же не думаете, что все эти девочки – сплошь гениальны, но их делают звездами. А потом выбрасывают за ненадобностью. Из Барби делают барбекю! Грустно и не смешно. Ларисы Петровны никому не нужны, понимаете? Барбекю – это последняя стадия. В сорок с лишним карьеру на западе не делают!

В а с и л и с а (*выключая магнитофон*). Вон оно, что! А когда вы Ларисе Петровне про талант впаривали, якобы никем не замеченный, вы это знали?!

Ч е х о в. Разумеется!

В а с и л и с а. И вы сейчас так спокойно об этом говорите?!

Ч е х о в. А что вы хотите?

В а с и л и с а. Я? Да, в общем-то, ничего! Думаю, мама захочет некоторых объяснений.

Ч е х о в. А вот маме объяснения совершенно ни к чему.

В а с и л и с а. Вы что, по-прежнему собираетесь ее расхваливать?

Ч е х о в. Конечно! Пока не выйдет спектакль, где она играет главную роль. Человеку всегда приятно, когда его хвалят.

В а с и л и с а. Но вы же ее не любите!

Ч е х о в. А разве, я говорил, что люблю?

В а с и л и с а. Думаю, да. Но теперь это не важно. Вы использовали ее! В таком случае, чем вы лучше западных киномонстров?

Ч е х о в. Я – лучше. Можете не сомневаться! Вы, кстати, тоже ничего. Особенно, в гневе! (*пытается ее приобнять*).

В а с и л и с а. Да вы что? (*вырывается*). Маньяк!

Ч е х о в. Ах, да! Совсем забыл! Вы у нас феминистка, девушек предпочитаете. Утром Тайя оденет, вечером – разденет... Нет, я, конечно, не против! У богатых свои причуды.

В а с и л и с а. А вы изменились! Из маленького скромного мальчика превратились в большого мерзавца.

Ч е х о в. Ну, Василиса Львовна, вы тоже в процессе перемен, не так ли? Вчера вместо грелки служанку в постель уложили... Вам бы замуж, а не фигней страдать.

В а с и л и с а. Я вас ненавижу! *(резко уходит)*.

Ч е х о в. Ой, ой, ой! Дура!

Какое-то время Чехов ходит по сцене один, включает и выключает магнитофон. Потом исчезает. Магнитофон остается включенным. Лариса, до сего момента стоящая в кулисах, медленно сползает на пол. Входит Люлечкин.

Л ю л е ч к и н *(выключает магнитофон, садится в кресло, замечает Ларису)*.

Ну, звезда моя, как настроение?

Л а р и с а. Паршивое... Настроение – дрянь.

Л ю л е ч к и н *(мягко)*. А что случилось?

Л а р и с а *(поднимаясь)*. Упала.

Л ю л е ч к и н *(подходит, помогает ей встать)*. Что, прямо сейчас?

Л а р и с а. Давно.

Л ю л е ч к и н. Ты имеешь ввиду лыжи?

Л а р и с а. Какие лыжи?

Л ю л е ч к и н. Ну, эти твои, новые, пластиковые. На которых ты с горы ехала.

Л а р и с а. Причем здесь лыжи, Лева? Не о том речь.

Л ю л е ч к и н. А о чем?

Л а р и с а. Я упала вообще! Повалилась, грохнулась, понимаешь? С этой самой чертовой четной стороны Луны!

Л ю л е ч к и н. Извини. Не понимаю.

Л а р и с а. Это формула.

Л ю л е ч к и н. Какая формула?

Л а р и с а. Обычная. Житейская. Ускорения свободного падения. Я падала быстро, стремительно, летела с ускорением, думала – свободна. Упала плашмя. Теперь вот валяюсь в пыли. Но, самое страшное я поняла позже: надо мной – точно такие же, как я. И подо мной – такие же...

Л ю л е ч к и н. Да, я тебя понимаю, падать всегда больно... *(пауза)*. Я знал падения, каких никто не знал. / Рассеянный вокруг в обычном свете дня, / мой бес из темноты незримо возникал / и рядом был, почти в двух дюймах от меня...

Л а р и с а *(продолжает читать)*. Его речей пропитывала сладость, / нельзя было играть навязанную роль. / Он говорил: мой друг, в обмен за вашу радость / я отниму у вас сомнения и боль...

Л ю л е ч к и н. Сделай милость, пойдди, приляг.

Л а р и с а. Да, я уйду... Хотела тебе сказать... Я не буду играть в пьесе Чехова.

Л ю л е ч к и н. То есть, как не будешь?

Л а р и с а. Так.

Л ю л е ч к и н. Ты шутишь?

Л а р и с а. Ни в коем случае. Я говорю абсолютно серьезно.

Л ю л е ч к и н. Ничего не понимаю. Ты ведь сама хотела!

Л а р и с а. Перехотела.

Л ю л е ч к и н. Ну, знаешь, дома твои причуды я готов терпеть, но что касается работы – уволь! У меня таких капризных – сорок штук в театре!

Л а р и с а. Как хочешь.

Л ю л е ч к и н. Что значит «как хочешь»?! Это что, демарш?

Л а р и с а. Я не знаю, каким словом это называется, просто изменились обстоятельства.

Л ю л е ч к и н. Черт знает что! Какие обстоятельства?

Л а р и с а. Моей жизни.

Л ю л е ч к и н. Твоей жизни? А про мою жизнь ты подумала?

Л а р и с а. Я только и делаю, что думаю.

Л ю л е ч к и н. Бред какой-то! Для тебя же стараюсь! Лучшие роли, гастроли, премии – все тебе! Ни одна актриса в театре не имеет столько, сколько имеешь ты! Я истратил на тебя целое состояние, не говоря уж про все остальное!

Л а р и с а. А все остальное – это что, позволь узнать?

Л ю л е ч к и н. Все остальное – это мой талант и мое время!

Л а р и с а. Понимаю... И все-таки у меня еще одна просьба. Пожелание.

Л ю л е ч к и н. Что – еще?!

Л а р и с а. Да. Тебе очень важна эта пьеса?

Л ю л е ч к и н. В каком смысле?

Л а р и с а. Ну... тебе очень нужно ее поставить?

Л ю л е ч к и н. Кажется, я начинаю что-то понимать... Силы небесные злобно гнетут... Нынче полнолуние. У людей эмоциональных, вроде тебя, возникают неадекватные реакции.

Л а р и с а. Прости, не вижу никакой связи. В общем, я не хочу, чтобы эта пьеса шла у нас в театре.

Л ю л е ч к и н (*смеется*). Скажите пожалуйста, они не хотят!

Л а р и с а. Да, не хочу!

Л ю л е ч к и н. Быстро ты поменялась.

Л а р и с а. Не я одна.

Л ю л е ч к и н. Неужели, кто-то еще?

Л а р и с а. Ты! Потому что еще месяц назад ты хотел ставить Хармса, помнишь? Где это теперь? Поиски, замыслы, бессонные ночи – в мусорном ведре?

Л ю л е ч к и н. А я и не собираюсь отменять Хармса. Он пойдет на малой сцене в следующем году.

Л а р и с а. Этот негодяй Чехов вскружил тебе голову!

Л ю л е ч к и н. А тебе?

Л а р и с а. И мне! Но сейчас я его ненавижу!

Л ю л е ч к и н. Прости, я ничем не могу помочь. Даже, если захочу.

Л а р и с а. Это так сложно?

Л ю л е ч к и н (*меняя тон*). Да, представь себе, сложно! Теперь – сложно. Кроме тебя и меня в театре существует худсовет. Автор получил гонорар от государства, по крайней мере, часть. Пьеса поставлена в план, идут репетиции. С тобой, между прочим! Шьются костюмы, ну, и так далее... Нет, это абсолютно невозможно!

Л а р и с а. Хорошо, если репетиции отменить нельзя, я просто напишу отказ от участия в этом проекте.

Л ю л е ч к и н (*извлекая бумагу и ручку из книги*). Пиши! Но потом пеняй на себя.

Лариса пишет, затем швыряет листок Люлечкину, быстро уходит.

Л ю л е ч к и н (*читает вслух*). «Не хочу участвовать в балагане». (*кричит ей вдогонку*). Ну, и не надо! Тайя! (*громче*). Тайя!

Появляется Тайя.

Л ю л е ч к и н. Хочу поговорить с тобой. Садись... (*пауза*). Ответь, пожалуйста, что такое ускорение свободного падения?

Т а й а (*в крайнем недоумении*). Зачем это вам, Лев Борисович?

Л ю л е ч к и н. Если я спрашиваю, значит – надо.

Т а й а. Но это же курс физики!

Л ю л е ч к и н. И что?

Т а й а. Ускорение свободного падения – это ускорение, которое имел бы центр тяжести любого тела при падении его на Землю с небольшой высоты в безвоздушном пространстве. Как и сила тяжести, ускорение свободного падения зависит от широты места и высоты над уровнем моря. Это постоянная величина, равняется девяти целым, восьми десятым метров в секунду в квадрате. Обозначается буквой «g».

Л ю л е ч к и н. В школе пятерка была?

Т а й а. Пятерка.

Л ю л е ч к и н. Молодец. А в институте?

Т а й а. Я, Лев Борисович, театральным заканчивала. Там нет физики, там только физкультура.

Л ю л е ч к и н. А что, родители? Пишут?

Т а й а. Пишут. Редко. В основном – звонят.

Л ю л е ч к и н. А ты?

Т а й а. Я тоже, когда есть возможность.

Л ю л е ч к и н. Ну, судя по счетам в почтовом ящике, у тебя она есть.

Т а й а. Лев Борисович, зачем вы меня вызвали? Ведь вас не пятерки со счетами интересуют, правда?

Л ю л е ч к и н. Правда. Хочу предложить тебе работу.

Т а й а. Работу? Но я работаю по дому...

Л ю л е ч к и н. Я хочу предложить тебе другую работу.

Т а й а. Хотите меня уволить?

Л ю л е ч к и н. Не совсем. Скорее, повесить.

Т а й а. Интересно.

Л ю л е ч к и н. Хочешь играть в театре?

Т а й а. В театре?

Л ю л е ч к и н. Да, у меня в театре. Есть роль. Как раз для тебя.

Т а й а. Какая?

Л ю л е ч к и н. Роль Ларисы в пьесе «Четная сторона Луны».

Т а й а. Но ведь ее репетирует Лариса Петровна...

Л ю л е ч к и н. Она больше не будет играть в этой пьесе.

Т а й а. Почему?

Л ю л е ч к и н. Она заболела.

Т а й а. Жаль...

Появляется Лариса. Она слегка пьяна.

Л а р и с а. А меня утвердили на роль во французской комедии. Буду играть жену адвоката. Сказали, надо перекраситься. В рыжий.

Л ю л е ч к и н (*встает*). Что?! Утвердили на роль?! Ты ничего не говорила! Потрясающе! Когда это случилось?

Л а р и с а. Сегодня. Компания «Юнифранс»...

Л ю л е ч к и н. Это что, тот самый Поль, который приходил в театр?

Л а р и с а. Да. Это он. Тот самый Поль, который приходил, и которого ты мечтал трахнуть прямо на сцене после спектакля. Между синим задником и малиновым кустом – самой бездарной декорацией нашего театра. Правда, у тебя ничего не вышло, но, кто знает... в свете последних событий... А он – ничего...

Л ю л е ч к и н (*смущенно*). Лариса, ну, я прошу тебя...

Л а р и с а. А что?

Т а й а (*пожимает Ларисе руку*). Поздравляю! Поздравляю от всей души!

Л ю л е ч к и н. Я, разумеется, тоже тебя поздравляю. Во всяком случае, теперь у тебя вполне уважительная причина, чтобы отказаться от пьесы.

Л а р и с а. Спасибо. Но... я отказалась не только от пьесы.

Л ю л е ч к и н. В каком смысле?

Л а р и с а. В единственном.

Л ю л е ч к и н. Поясни, пожалуйста.

Л а р и с а. Я отказалась от роли в кино.

Л ю л е ч к и н. Ты, что, сдурела?! Это шанс, понимаешь ты! Шанс! Он бывает раз в жизни! Тайа, ну хоть ты скажи ей!

Т а й а. Лариса Петровна, зря вы так. Подумайте. Может, еще не поздно позвонить...

Л а р и с а. Я никуда не буду звонить! Все кончено.

Л ю л е ч к и н. Тайа, будь добра, принеси воды. Мне и Ларисе Петровне.

Тайа уходит.

Л а р и с а. Мне не нужна вода! Тайа, принеси водки!

Л ю л е ч к и н. Что случилось? Может, объяснишь?

Л а р и с а. Ничего! Ты сломал мне жизнь, вот что случилось!

Л ю л е ч к и н. Я?! Ты спятила! Оглянись, у тебя есть все! Все, о чем другие даже мечтать не могут!

Входит Тайа. Ставит поднос на «сцену», уходит.

Л а р и с а. У меня ничего нет! У меня нет даже таланта! Поэтому я не могу сниматься в кино. Не могу давать людям то, чем сама не обладаю, понимаешь? И в театре я больше не могу. Я ведь слышу, слышу их закулисный шепот: жена режиссера, ей всегда все самое-самое, а по заслугам ли? По заслугам? Ты словно откупаешься от меня, предлагаешь лучшие роли, тебе жалко меня, жалко смотреть на меня, как я старею. Ведь, по мнению большинства труппы, я всего лишь «областная звездочка», не так ли? Травести, играющая Раневскую! Ну, скажи, скажи, что это не так! Молчишь, язык не поворачивается, потому что это правда!

Л ю л е ч к и н. Ты с ума сошла!

Л а р и с а. Нет, мой милый, я слишком здорова! *(подходит к подносу, берет стакан, швыряет, но он не разбивается).*

На стук вбегает Василиса.

В а с и л и с а. Что происходит?

Л а р и с а *(обнимает Василису, порывисто целует в лоб)*. Все в порядке, ангел мой, все хорошо!

Л ю л е ч к и н. А я не считаю, что все хорошо! По-моему, тебе нужна медицинская помощь! *(идет к телефону, пытается набрать номер, Лариса подбегает, обрывает инур)*. Что за сцены ты здесь устраиваешь?!

Л а р и с а. Устраиваю?! Я? Да в этом доме ничего невозможно устроить! Потому что это несчастный дом, здесь живут несчастные люди, марионетки! Здесь даже посуда не бьется с некоторых пор!

В а с и л и с а *(бросается к Ларисе)*. Мама, мама! Ну, не надо так!

Л а р и с а. Иди к себе!

В а с и л и с а. Я останусь!

Л а р и с а. Иди к себе!

Л ю л е ч к и н. И правда, Вася, иди к себе! Маме нужно отдохнуть, успокоиться.

Василиса нехотя уходит.

Л а р и с а. Ты не любишь ее! И никогда не любил. И меня тоже не любишь... У нас несчастливый брак, Лева.

Л ю л е ч к и н (*поднося Ларисе стакан воды*). Ты преувеличиваешь. Мы нужны друг другу. Столько лет вместе. Хочешь, я постелю тебе здесь?

Л а р и с а (*чуть успокоившись*). С чего вдруг такая забота? Нет, Левушка, из «ничего» невозможно сделать «нечто».

Л ю л е ч к и н. Можно попытаться. Тряхнуть, так сказать...

Л а р и с а. Можно, только нечем! Нечем трясти! Разве что собственной сединой, или пенсионным удостоверением.

Л ю л е ч к и н (*вздыхает*). И все-таки я надеюсь, что завтра все изменится.

Л а р и с а. Конечно! А теперь уходи.

Л ю л е ч к и н. Ты уверена? Может, тебе лучше...

Л а р и с а. Когда тебя нет. Уходи!

Люлечкин уходит. Свет гаснет, музыка. Далее следуют пять-шесть «точек» с периодическим затемнением на секунду, как в самом начале действия, только вместо Ларисы и Чехова на сцене Чехов и Люлечкин. После финальной «точки» появляется Лариса, Чехов и Люлечкин исчезают. Это происходит в том же темпе, быстро и четко. Ларису освещает один прожектор, луч которого исходит сверху.

Л а р и с а. Нет, мне не страшно! Совсем не страшно... Ведь это игра, лицедейство... Паяц истекает клюквенным соком, Коломбина плачет нарисованными слезами... Какое нелепое ремесло – полжизни играть чужие жизни, чужие роли, вникать в их обстоятельства, а своей так и не понять! Как я устала! Если б вы знали, как я ненавижу театр, эту половину своей жизни! Я никогда не была цельным существом, я даже актриса наполовину, я – полуактриса... Полумать, полужена... (*пауза*). Нет, Левушка, ты все-таки поставишь «Елизавету Бам»... (*постепенно входя в образ Елизаветы*). «Сейчас, того и гляди, откроется дверь, и они войдут... Они обязательно войдут, чтобы поймать меня и стереть с лица земли. Что я наделала? Если бы я только знала... Бежать? Но куда бежать? Эта дверь ведет на лестницу, а на лестнице я встречу их. В окно? (*подходит, смотрит в окно.*) У-у-у, высоко! Мне не прыгнуть! Что же делать?.. Эй! (*пауза*). Чьи-то шаги! Это они. Запру дверь и не открою. Пускай стучат...»

Затемнение. Раздается стук в дверь, он постепенно нарастает, делается все громче и ритмичнее. Потом этот стук слышен под музыку, затем резко обрывается. Луч прожектора освещает окно с полуоткрытыми жалюзи. Звучит куплет песни «Посвящение артистам».

Занавес

*Текст пьесы «Елизавета Бам» Даниила Хармса